

ШТРИХИ К АВТОПОРТРЕТУ

**Говорят, все люди полны
света. Наверно, все-таки не
все. Но мне везло на таких
людей, и я был счастлив.**

ВЗГЛЯНИ НА МЕНЯ...

А. П. Николаев попросил меня ответить на 19 вопросов составленной им анкеты. Ответы на некоторые вопросы ("Чем был XX век в истории России? Его социально-политические и нравственные итоги; Ваша оценка таких исторических вех, как революция, культ личности, Великая Отечественная война, "оттепель", перестройка, распад СССР с точки зрения их влияния на судьбы страны"...) могли бы составить книгу. Кроме того, даже очень обстоятельные ответы, как правило, не покрывают весь вопрос, что-то всегда остается без ответа. Да и вопросов всегда было в мире больше ответов.

Отвечая на вопросы, я больше писал о себе и меньше о времени. И не потому, что хотел себе, любимому, уделить больше внимания, нет. Просто я себя знаю лучше времени, в котором живу, знаю больше подробностей о себе. В свое оправдание могу сказать, что я тоже, как и вы, как и любой другой человек - время. В другое время и в другой стране я был бы другим человеком. В одном из прежних своих рождений, насколько я помню, я жил в Египте и в Индии. Мои родители были крупными землевладельцами, добрыми людьми, а я увлекался соколиной охотой и жил в свое удовольствие, чего не могу сказать о нынешнем моем существовании...

Я благодарен А. П. Николаеву за его анкету, давшую мне возможность вспомнить отрочество и юность этой моей жизни и написать кратко о вопросах, которые меня тоже волнуют.

* * *

Согласно "Вопросам Милинды" (выдающийся памятник древнеиндийской литературы и раннебуддийской мысли), "чтобы самостоятельно, хотя бы до некоторой степени, определить, где родиться в следующий раз, требуется обладать немалыми духовными заслугами". В этот раз я родился 2 марта 1933 года в городе Ахалцихе (Грузия) в бедной веселой армянской семье - то

ли потому, что обладал большими духовными заслугами, то ли потому, что не обладал вообще никакими заслугами...

Теперь я писатель, литературовед. И даже академик Национальной Академии наук Республики Армения. Ничего общего, увы, с соколиной охотой. Социальное положение - обычное для интеллигенции, то есть незавидное, чтобы не сказать низкое. Вообще же, я не жалею о жизни, о своем положении в обществе. Чем богаты, тем и рады - мудрее не скажешь.

Отец, Мкртыч Хачатурович Мкртчян, был фазетонщиком в Ахалцихе, а с середины 30-х годов - в Батуми. Любил быструю езду и выпить. Воспитывал нас с братом (я был младшим в семье) по строгим народным представлениям восточных людей о чести человека, чести семьи. В сердцах мог сказать: "Такой сын мне не нужен!"

В первую мировую отец служил на русско-турецком фронте в казачьих частях русской армии. И так как хорошо говорил по-турецки, был при части переводчиком, несмотря на то, что какого-либо образования не имел.

Иногда мне кажется, что я занялся проблемами художественного перевода потому, что отец синхронно переводил с турецкого на русский и с русского на турецкий.

Учился я в Батумской неполной средней русской школе имени Маяковского. Первые два года учился хорошо, был даже отличником и в третий класс перешел в 1942 году с похвальной грамотой. Но с третьего класса все пошло насама. Я кое-как был переведен в пятый класс и сразу же в 1944 году был исключен из школы как ученик недисциплинированный и неуспевающий.

Родители какое-то время водили меня к бывшей преподавательнице одного из вузов Ленинграда, высокой пожилой женщине. Жила она с сестрой в комнатке по найму, очень чистой, всегда тщательно прибранной. На ней с сестрой всегда были снежно-белые кружевные воротнички. Я должен был с помощью бывшей вузовской преподавательницы осилить программу четвертого класса. Она пробовала пристрастить меня к чтению. Помню (потому и помню, что рассказ показался мне очень уж странным), как на одном из занятий была прочитана "Принцесса на горошине" Андерсена. Мне, десяти-одиннадцатилетнему батумскому мальчику, казался абсурдным рассказ о принцессе, которая из-за какой-то горошины, спрятанной под сорока тюфяками и пуховиками, не могла ночью уснуть...

Женщины в те годы не спали по другой причине. Черные вести (по-армянски - сев тухт, черная бумага) о смерти сына, мужа, отца, брата были получены многими семьями.

Помню, как дислоцированные в Батуми моряки пели:

*Севастополь не сдадим,
Моряков столицу,
Через море перейдем,
Станем на границу...*

А когда Севастополь пал, та же песня пелась по-другому:

*Севастополь отобьем,
Моряков столицу,
Через море перейдем,
Станем на границу...*

Город был полон беженцами. В одноэтажном здании нашей школы разместили беженцев. А нас, учеников, перевели в 1942 году в другую школу. Первую свою учительницу, Зинаиду Николаевну Плотникову, я очень любил, потому что она очень любила нас, своих учеников. В новой школе новая учительница была злой и недоброй. Не помню, как ее звали. Зато запомнил ее немолодое, густо припудренное белое морщинистое лицо. И еще помню, как она возмущалась, что я никак не пойму русское слово *ненастье*, хотя как раз в Батуми ненастных дней в году больше, чем где-либо в мире. Теперь я знаю, что злая учительница это и есть ненастье и несчастье. Когда я прочел в "Воскресении" Толстого: "Не чувствуешь любви к людям, сиди смиренно... Занимайся собой, вещами, чем хочешь, но только не людьми", вспомнил свою ненастную учительницу.

* * *

Чтобы я окончательно не отбил от рук, отец пристроил меня учеником к лудильщику Арсену, нашему родственнику. Но родственник снабжал хлебные лавки Батуми фальшивыми хлебными карточками (печатались карточки в Кутаиси), хорошо зарабатывал на карточках, пил и играл в кости. Посуду лудили в соседних мастерских.

Стоило отцу узнать об этом, как он тут же забрал меня от Арсена и определил к другому нашему родственнику - сапожнику Серго, где я и научился шить дамскую и мужскую модельную обувь.

Первая пара коричневых детских ботинок, сшитых от начала до конца мною, была продана вместе с колодками, так как ни я, ни опытные мастера не могли извлечь из готовых ботинок колодки: я перестарался и насмерть прибил каблуки к колодкам.

Заказчице из Одессы сказали, что ботинки еще мокрые, что через пару дней в Одессе любой сапожник снимет колодки...

Я очень любил маму, Рипсима Оганезовну Ганалаян. Она никогда нас с братом не ругала. Но я видел, как сильно она переживает, если я опять ввязывался с такими же мальчишками, как я, в драку, играл со своими сверстниками в кости... И чтобы мама не страдала, я старался исправиться.

Бабушка по матери, Астхик-бабо, женщина родовитая, учила меня армянским молитвам, подшучивала надо мной, научив меня двустистию на древнеармянском языке:

*Ասկո, Պսկո կարգ է զիս
Չը կարգեցիր, կը խեղդեմ զիս...*

*Апко, Ппко, жените меня,
Не жените, удавлюсь...*

Мама очень хотела, чтобы я не женился, а учился.

- Будешь хлеб свой зарабатывать кончиком своего пера, - иронизировала бабушка.

Но когда я действительно стал зарабатывать на жизнь "кончиком пера", бабушки уже не было в живых. Но и мама надо мной подтрунивала.

Одну из своих книг на армянском языке (мама читала по-армянски) я посвятил маме. Получив по почте шесть экземпляров посвященной ей книги (эдакие кирпичи по 500 страниц), мама написала мне: "Пусть Бог удвоит твои способности, но когда в следующий раз будешь отправлять посылку, пришли немного блгура" (особым образом приготовленная пшеничная крупа)...

* * *

Один из моих друзей, Юзик (по репрессированному отцу перс, по матери - русский), такой же, как и я, великовозрастный юноша, уже учился в 4-ом классе вечерней школы. Во многом благодаря ему я тоже стал в 1947 году учеником 4 класса Батумской вечерней школы рабочей молодежи.

Время было послевоенное, опасное. После уроков мы, великовозрастные ученики, вооруженные кастетами и финками, про-

вожали учителей домой. На неосвещенных улицах города их могли ограбить, раздеть.

На первых же уроках выяснилось, что я пишу по-русски с дикими ошибками, мошенник пишу как *ошейник*...

Помню, как сырым дождливым вечером, когда я провожал учительницу русского языка, она как бы в знак благодарности втолковывала мне, что через а пишутся три приставки *за, на, над*... Теперь я это знаю. Знаю с тех пор, с того вечера.

Учили меня, учили, а я все равно писал плохо. Купил в 1948 году первую в моей жизни книгу - "Русский язык" В. В. Виноградова. Думал, прочту и стану грамотно писать. Но то была книга для людей уже грамотных. И все-таки из всей книги я усек и запомнил, что в оригинале стихотворения Генриха Гейне "Ein Fichtenbaum steht einsam" сосна мужского рода (он думает о ней, о пальме). В переводе же Лермонтов "женским родом "сосны" отнял у образа всю его любовную устремленность и превратил сильную мужскую любовь в прекраснодушные мечты", - ссылаясь Виноградов на Щербу.

Я еще учился в Батумской вечерней школе, когда вдруг довелось увидеть живого автора моей первой приобретенной книги, живого академика В. В. Виноградова.

* * *

В начале 50-х годов вся страна изучала известные труды Сталина по языкознанию. Ни наша учительница, ни мы, ученики, никак не могли одолеть тонкую книжицу с диковинными для нас словами "семантика", "семасиология", "базис", "надстрой-ка"...

- Видите, какая гениальная книга, - говорила учительница, - прочесть можно сразу, а думать надо всю жизнь.

Пока мы читали и думали, приехал в Батуми академик В. В. Виноградов.

В городе появились огромные афиши, на которых аршинными красными буквами было написано имя Сталина, автора исторических трудов по языкознанию, а внизу мелким шрифтом сообщалось, что академик В. В. Виноградов выступит с лекцией об этих трудах.

Драматический театр, где состоялась лекция, был переполнен. Но только немногим было известно, что в театре будет прочитана лекция. Основная же масса думала, что в театре идет спектакль о любимом вожде Сталине. А когда на сцене за кафедрой появился человек в строгом черном костюме, многие решили, что

выступает либо иллюзионист, либо гипнотизер.

В. В. Виноградов в начале лекции упомянул о развернувшейся дискуссии вокруг учения Н. Я. Марра и сказал, что в "портфеле редакции" (это выражение я слышал впервые) были и другие статьи, так и не увидевшие свет. И еще я запомнил, как Виноградов говорил "само собой понятно" вместо привычного "само собой разумеется".

Хотя Виноградов часто повторял "само собой понятно", неподготовленной аудитории трудно было понять академика. Вскоре он прервал лекцию и попросил, чтобы ему задавали вопросы, так как он не знает, что именно интересует аудиторию.

- Вопросы! Вопросы! - одобрительно зашумел зал.

Просмотрев с десятков вопросов, Виноградов решил, как я теперь понимаю, разрядить обстановку. Первой он прочел записку, в которой говорилось: "Можете ли вы сказать номер и серию моего паспорта?"

- Если автор этой записки покажет мне паспорт, конечно же, смогу, - улыбнулся академик.

Юмор Виноградова, слишком тонкий, чтобы его поняли и оценили, возмутил публику. Поднялся страшный шум. Из зала кричали, свистели... Люди, пришедшие в театр, решили, что этот человек в черном костюме измывается над ним. Какой же он фокусник, гипнотизер и академик, если надо ему показать паспорт, чтобы он сказал номер и серию!

Само собой понятно, что лекция завершилась провалом.

* * *

После "Русского языка" Виноградова, в сентябре того же 1948 года я приобрел вторую в моей жизни книгу - сборник стихов Генриха Гейне на русском языке "Лирика и сатира". Прошло немного времени, и я знал почти всю книгу наизусть. Мои батумские друзья и сверстники удивлялись, что я читаю по памяти стихи. Я полюбил лирику Гейне, полюбил иронию Гейне и его переводчиков (Ю. Тынянов, Ал. Дейч, Вильгельм Левик...). В середине 60-х годов я познакомился и подружился с Дейчем и Левиком, героями моей любимой книги, людьми для меня легендарными.

В 1949 году были куплены еще три книги - в январе "Избранные сочинения" А. Н. Островского (М.-Л., 1948) и на батумской толкучке 24-й том "Нового энциклопедического словаря (Ламберт до лубоеды)" и богато иллюстрированный четвертый

том сочинений Пушкина (издание Брокгауз - Ефрон, С.-Петербург, 1910).

По этим книгам учился я русскому языку. Многим я обязан Островскому, богатому корневому русскому языку его пьес, языку, пересыпанному русскими пословицами, меткими русскими словами. "Свои люди - сочтемся", "Не в свои сани не садись", "Бедность не порок", "Не было ни гроша, да вдруг алтын"... - это были и названия пьес и впитываемые мной жемчужины русской речи.

По "Новому энциклопедическому словарю" я сразу же уяснил для себя, что Ламберт Иоганн-Генрих - это немецкий ученый XVIII века, а лубоеды - это группа жуков из семейства короедов.

Я бессистемно читал словарь и знакомился с разными статьями на букву "л". До сих пор помню статью про Ло Джона. Было написано, что этот самый Ло известный экономист и спекулянт... Про экономистов я ничего не знал, но хорошо знал, что спекулянт - это преследуемое в советском обществе преступное существо. И вот надо же, написали о таком человеке в энциклопедическом словаре.

В статье о Лейбнице я подчеркнул понравившиеся мне строки о том, что "с другой стороны, составляющая наше тело "организованная масса является готовой к действию сама собою, следуя законам телесной машины в тот момент, когда этого хочет душа". Главное, с удовлетворением думал я, в организованной массе нашего тела - душа. Читал и перечитывал статьи о Лаокооне, о Лермонтове...

Брокгаузо-Ефроновский четвертый том Пушкина, как и "Новый энциклопедический словарь", был для меня книгой сложной. Взмолвила меня повесть Пушкина "Выстрел". На Кавказе вообще и в кругу моих батумских друзей и знакомых очень почитались такие сильные натуры, как Сильвио, как граф - герои "Выстрела". По восточным представлениям о мужестве и чести, Сильвио был настоящим героем - умел метко, как никто, стрелять, годами вынашивал мысль о мести оскорбившему его графу. Но граф не боялся смерти. Сильвио еще во время первой дуэли мог его убить, а он стоял под пистолетом, словно бы ему ничто не угрожает, и ел черешни, равнодушно выплевывая косточки...

И еще в статье Н. О. Лернера "Дон-Жуанский список" (в томе были опубликованы статьи пушкинистов) поразила меня,

16-летнего подростка, выдержка из письма Пушкина В. Вяземской: "Natalie, кстати сказать, моя сто тринадцатая любовь".

В моем сознании не укладывалась эта фраза с ее столь некстати сказанным "кстати сказать".

* * *

В 1952 году, окончив 8-ой класс вечерней школы, я поступил в Батумское мореходное училище и навсегда распрощался с сапожной мастерской.

За несколько месяцев до поступления в училище меня и моего напарника Альберта арестовал начальник ОБХСС капитан Сванидзе, нагонявший жуткий страх на батумских ремесленников. Будка-мастерская, в которой мы с Альбертом работали, стояла в районе батумской толкучки. В воскресные дни на улицах толкучки шла бойкая торговля. Известный в городе спекулянт Павлик по кличке Слабый (он был болен туберкулезом) оставил у нас в мастерской плетеные корзины с дорогостоящими импортными отрезами на костюмы и пальто. Сванидзе хотел арестовать Павлика. Обнаружив у нас в мастерской две корзины с отрезами, он требовал, чтобы мы подтвердили, что отрезки принадлежат Павлику. Но мы с Альбертом утверждали, что корзины с отрезами оставил незнакомый мужчина.

- Незнакомый?! - багровел Сванидзе, и его тонкие губы становились еще тоньше, а узкие глаза еще уже и злее.

По принятым среди ремесленников и простого люда нормам поведения мы обязаны были не называть Павлика, а Павлик обязан был заботиться о нас.

Утром (ночь мы промучились в подвале Гормилиции) нас вызвал Сванидзе. В его кабинете сидели два майора КГБ. Увидев нас с Альбертом, они, смеясь и улыбаясь, воскликнули, что мы и есть разыскиваемые ими беглецы, у которых они оставили корзины с отрезами.

Сванидзе понимал, что его обманывают, но против КГБ он был бессилён. Нас с Альбертом тут же опустили, сказав, чтобы корзины с отрезами мы погрузили в стоявшую у Гормилиции эмку. В занавешенной эмке сидел Павлик и улыбался. Слабый Павлик оказался сильным человеком. То ли он работал на КГБ, то ли давал им в лапу. Скорее всего, и работал, и давал.

* * *

Работа в сапожных мастерских сводила меня с разными по своему интересными людьми. Говорил же Мишель Монтень, что “души императоров и сапожников скроены на один и тот же лад”. В 1947 году, в год денежной реформы, я работал в мастерской Месропа Мазманияна, армянина из Артвина. В день, когда объявили о реформе, он пригласил меня в потайную комнату своей мастерской, бросил на верстак - низкий сапожный столик - горсть золотых монет и золотых изделий. Затем бросил мятые рубли, подлежащие обмену 10 к 1, и сказал:

- Смотри, что сейчас произойдет.

Он легко сдул рубли, а золото осталось на верстаке.

- Вот это и есть деньги,- сказал Месроп, показывая на золото.

И хотя известно, что наглядность - золотое правило дидактики, я оказался плохим учеником. Столь наглядный урок, который мне преподавал в 1947 году Месроп Мазманиян, я вспомнил в 1992 году, когда пропали хранимые в сберкассе мои 25 тысяч советских рублей. *Сберкасса не сберегла* сбережения миллионов людей.

В советские времена широко тиражировался лозунг: “Храните деньги в сберкассе”. Паруйр Севак говорил в этой связи: “Были бы деньги, знал бы, где хранить”.

Я мог бы купить за свои 25 тысяч “Волгу” и “Жигули”, мог бы, как учил Месроп, сберечь свои тысячи в виде золотых изделий. Но, увы... Деньги были и денег нет, и, как я понимаю, вряд ли будут. Это только в индийской сказке “Корень добра не сохнет” есть такое царство-государство, где “царь покупает у людей их заслуги”. И если ты сделал в жизни благое дело, пойдя туда и продай его. У меня, скажем так, заслуг никаких и никакие благие дела за мной не значатся. Речь не обо мне. Но ведь пострадали в России, в Армении, во всем ближнем зарубежье миллионы добрых весьма и весьма заслуженных людей, которые не могут жить на свои пенсии, если их даже и выдают.

* * *

В мореходке, по совету бывалых людей, я поступил на гидротехническое отделение. Это чтобы у меня была и гражданская специальность, хотя престижным считалось отделение судоводительское. Курсанты-судоводители обзывали нас, гидротехников, морскими колхозниками.

На гидротехническом отделении геодезию преподавал большелюбый, шестипалый (все пальцы были развиты) В. М. Сципион, потомок Сципиона Африканского. В газете “Батумский рабочий” от 5 июля 1953 года был опубликован снимок, символизирующий дружбу курсантов “более чем десяти национальностей”. На снимке был запечатлен В. М. Сципион с курсантами гидротехнического отделения Е. Глебовым, Т. Юденко, М. Зигельбоймом, Ф. Кучухидзе, Л. Мкртчяном, Л. Дыко, В. Васильченко и В. Грейжой.

Дружбу народов, как теперь я понимаю, надо было идеологически, материально поддерживать, если хотите, насаждать. Национальная рознь и вражда - это джин, которого надо крепко держать в бутылке-Бутырке, держать и не отпускать, тогда как на всем постсоветском пространстве джин был выпущен из бутылки. Михаил Горбачев хотел, как гласит пословица, брови подправить, а выколол глаза.

В мореходке я проучился неполных два года. За это время хорошо усвоил все общественные формации. Был у нас командир взвода капитан третьего ранга Кантемиров. Провинившихся курсантов он вызывал к себе и медленно, растягивая слова и окая, говорил:

- Вначале люди жили первобытно-общинным строем. Сообща ходили на охоту. Затем пошел рабовладельческий строй. Появились рабы и рабовладельцы.

В той же манере излагал Кантемиров про *хфеодализм и хфеодалов*, про капитализм и капиталистов, про могильщиков капитализма - солидарных рабочих. Несколько повышая голос, как бы на пафосе, Кантемиров говорил об Октябрьской революции, о вождах народов Ленине и Сталине и о том, что теперь советские люди строят новый радостный мир, имя которому коммунизм.

- Люди вон какой путь прошли, а вы нарушаете порядок,- завершал Кантемиров свою лекцию.

Мне довелось раз десять в положении “смирно” слушать рассказ Кантемирова про путь, пройденный человечеством, про коммунизм, который мы строим, и на этом величественном фоне выслушивать сентенции о моих проступках.

Когда умер Сталин, я был еще курсантом. Мы всем училищем ходили на площадь Ленина, чтобы выразить нашу скорбь. При этом я и еще один курсант с автоматами в руках были ассистентами у знамени училища - нам была оказана такая честь.

Вскоре, однако, в начале 1954 года, я был отчислен из учи-

лица за плохое поведение. В том же 1954 году сдал экстерном экзамены на аттестат зрелости и поступил в Ереванский педагогический институт им. Жданова. В 1957 году институт закрыли, а студентов перевели в Ереванский государственный университет.

В 1958 году я закончил университет, защитил две диссертации (1963, 1970), но труднее всего дался мне, взрослому 21-летнего дылде, аттестат зрелости, хотя в аттестате две четверки - по химии и географии, по всем другим предметам одни пятерки.

Получение аттестата зрелости, наверное, и было самым важным событием моей жизни.

* * *

Первую свою статью я написал будучи студентом первого курса.

Во время зимней экзаменационной сессии я прочел объявление о том, что студенты должны сдать научные работы до конца марта 1955 года. Я почему-то решил, что объявление относится ко всем студентам. И так как многое из русского Гейне я знал наизусть, статья была написана о нем - "Генрих Гейне и его политическая поэзия".

Для общего развития очень важно, как я уверен, по-настоящему полюбить и прочесть из мировой классики хотя бы одну книгу. Поверхностное знакомство со многими книгами ничего не дает. Одна книга из сокровищницы мировой литературы, если она действительно прочитана, может стать ключом и к другим книгам, и к миру, в котором живешь и который хочешь понять.

Машинописный текст первой моей статьи казался мне чудом. Однако доцент, прочитавший статью, предположил, что я ее переписал. Не потому, что статья была очень уж хорошо написана, а потому, что я был первокурсником.

Известный литературовед, преподаватель зарубежной литературы Согомон Согомонян сказал, что он может легко определить, действительно ли статья переписана.

Он прочел статью, внес несколько правок и тут же, при нем, велел мне написать отзыв о статье:

- Ты напиши, а я подпишу.

Я сказал, что не могу писать сам на себя, на свою статью отзыв.

- Не можешь? - улыбнулся Согомонян. - Значит, эти 25 страниц переписаны.

Мне ничего другого не оставалось, как сесть и написать от-

зыв - разумеется, положительный - о своей статье.

Согомонян был доволен:

- Теперь я вижу, что статью ты сам написал, и я могу ее рекомендовать к печати.

Статья была опубликована в "Студенческом научном сборнике" (Ереван, 1955, стр. 23-49).

Будучи студентом, я опубликовал еще две статьи в том же периодическом издаваемом "Студенческом научном сборнике" - об Аветике Исаакяне и Ованесе Ширазе. Но отзывы на свои статьи я уже не писал. За многие годы работы я удостоился многих добрых рецензий и статей в армянской и русской периодике - "Литературная газета", "Литературная Россия", армянская литературная газета "Гракан терг", "Вопросы литературы", "Новый мир", "Звезда", "Нева", "Литературное обозрение", "Дружба народов"...

* * *

Я издал больше двадцати книг. Всю жизнь занимался изданием на русском, а также на немецком и английском языках сборников средневековой армянской поэзии и поэзии современной. Государственной премии Армении был удостоен, как было сказано в постановлении, "за труды в области исследования и пропаганды армянской классической лирики".

Изучал и пропагандировал в Армении русскую классику - Салтыков-Щедрин, Достоевский, Толстой, Чехов. Писал о проблемах стихотворного перевода (книги "Если бы в Вавилоне были переводчики...", "Анна Ахматова. Жизнь и переводы").

Много времени ушло в годы перестройки-перестрелки на публицистику. Издал книжку "Прежде всего - не убивать!" (Ереван, 1991).

Наиболее интересными из всего написанного, как я думаю, будут две книги. Говорю будут, так как из написанного надо еще сложить и издать эти книги - книгу о средневековой армянской поэзии и книгу воспоминаний (Илья Эренбург, Корней Чуковский, Вера Звягинцева, Александр Гитович, Николай Тихонов, Паруйр Севак, Амо Сагян, Уильям Сароян, Михаил Дудин, Мария Петровых, Кайсын Кулиев...)

Говорят, все люди полны света. Наверно, все-таки не все. Но мне везло на таких людей, и я был счастлив.

Неудачных, слабых статей, очевидно, было немало. Но, слава Богу, не было таких статей и книг, которых я бы стыдился или

стыдился бы мой сын. Я всегда занимался тем, что меня удивляло, чем я хотел заниматься. Если обстоятельства позволяют так жить и работать - значит, сама жизнь к тебе благосклонна.

* * *

Современная общественная жизнь в современной Армении неблагоприятна для многих. И особенно для интеллигенции. Но и в России интеллигенция бедствует. Если по роду своей деятельности ты интеллигент, то ты - "старый" русский, "старый" армянин, которому в старое, советское время жилось лучше. Гораздо лучше.

Кошунственно говорить человеку, у которого нет денег на хлеб, что вот, мол, в Евангелии сказано: "Не хлебом единым жив человек..." Потому и кошунственно, что, как говорил Достоевский, "нет ничего бесспорнее хлеба".

Это богатых, обожравшихся новых, старых и каких угодно армян и русских надо стыдить Евангелием, образом Иисуса. В Евангелии нет таких слов, которые бы оправдывали нищету. Есть слова, поддерживающие нищих и обездоленных. А богатство и достаток только тогда во благо, когда они нравственны. "Ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?" (Мар. 8, 36).

Достаток и даже изобилие при нравственном образе жизни возможны, хотя часто пути-дороги, сулящие большие доходы, темны и незаконны.

Истинно верующий человек - прежде всего нравственно здоровый человек. У нас в Ереванском университете был профессор, читавший студентам курс атеизма. Оказалось, что он переписывал свои атеистические труды у других атеистов. Был бы верующим, не занимался бы литературным воровством. Атеист на то и атеист, что ему все дозволено. В этом-то ("Коли ничего нет - все дозволено") привлекательность атеизма. А к чему может привести вседозволенность, сказал в "Братьях Карамазовых" Достоевский.

Я бы назвал себя человеком верующим, если бы действительно жил по вере. Наш великий поэт Григор Нарекаци (951-1003) был святым человеком. Это он о нас, грешных, писал:

*И усилились во мне желания недобрые,
Не устремил я око своей души к Христу,
И не пошел я по прямой стезе,*

*Хотел двигаться быстрее, стал сильнее увязать,
Стремясь к безмерному и своего малого не достиг...*

Это он нас, грешных, жалел, когда словами, идущими из глубин сердца, обращался к Спасителю:

*Взгляни на меня, на скорбные образы
Моих губительных страстей,
С которыми я предстал перед Тобой.
Будь мне как врач, сочувствующий мне,
И не будь судьей, что зовет на следствие...*

* * *

Я никогда не занимался политикой, хотя и состоял в КПСС. Сейчас ни в каких партиях и движениях не состою. Партийных должностей никогда не имел, никого не угнетал, орденов и медалей не получал. Я не оправдываюсь. Если говорить не о себе, грешном, о других, то я знал многих честнейших людей, коммунистов и не коммунистов. Знал и разного рода негодяев как среди коммунистов, так и не коммунистов. Эти последние как раз и перестроились-перекрасились мгновенно. Как раньше при коммунистах, так и в новых условиях гонения на коммунистов они очень ловко не входили, нет, ввинчивались в новые властные структуры. А какие они, эти структуры, демократические или дерьмократические - им наплевать. Есть такая порода людей, которая без мыла в "душу" лезет, в "душу" власть предержащих.

Идеи социальной справедливости, равенства и братства всегда волновали и будут волновать не этих, которые без мыла..., а тех, честнейших, страждущих, на которых все еще держится этот мир.

* * *

Русский народ, может быть, наиболее среди других народов мира предан великим и, увы, неосуществимым идеям равенства и братства. Отсюда и столь благодатная в России почва и для тысячелетнего христианства и для социализма, враждебного христианству, но по конечному идеалу во многом тождественного ему.

Православие - наиболее, может быть, существенная черта русскости. "Надо,- говорил Достоевский,- чтобы воссиял в отпор Западу наш Христос, которого мы сохранили и которого они не знали!"

Вновь воссозданный Храм Христа Спасителя и есть свидетельство того, что русские, пройдя через просто атеистический социализм и через развитой атеистический социализм, сохранили образ неискаженного Христа.

Нам, армянам, всегда были дороги русское православие и русская церковь. Христианство, объявленное в Армении государственной религией в 301 году, - наше спасение. Мы сберегли себя как народ, как нацию. И христианство - наша боль. Нас преследовали как христиан. В русских мы видели единоверцев. Потому и писал Хачатур Абовян, основоположник новой армянской литературы: "Да будет благословен тот час, когда русские благословенной своей стопой вступили на армянскую землю и развеяли проклятый злобный дух кизильбашей".

Давно уже судьбы многотрудной, страдальческой Армении переплелись с высокой и горькой судьбой России. И когда разрушали Храм Христа Спасителя в Москве, то же варварское безверие разрушало храмы в Армении.

С восстановлением Храма Христа Спасителя восстановится отчасти связь времен в русской истории, в сегодняшнем и завтрашнем дне русской жизни. И, может быть, что-то изменится к лучшему и в Армении...

* * *

За время существования Советского Союза много было положено жизней, много было пролито крови, но создать государство социальной справедливости и свободы не удалось. Очевидно, человечество должно было пройти через трагическое, высокое заблуждение всеобщим равенством, коммунизмом. Выпавшие на долю русского народа и народов СССР великие страдания были даны в назидание другим народам мира, а нам и в назидание, и в наказание. Но наказание-то за что? Неужто опять-таки другим в назидание? Урок, преподанный человечеству, обошелся России слишком дорого. Заплачено и классовым братоубийством, и 37-ым годом, и Отечественной войной, и сегодняшними кровавыми раздорами, нищетой. Издержки слишком велики. Уже теперь понятно, что за окаянные, как выразился Бунин, дни и годы XX века еще придется расплачиваться России XXI века. Будущее во многом предопределяется прошлым. Корни грядущего XXI века в XX веке и даже в XIX-ом. Если хочешь разглядеть будущее, надо всмотреться в прошлое.

* * *

Я жил в сталинском, хрущевском, брежневском, андроповском (Черненко как явное недоразумение - не в счет), горбачевском прошлом. Я не называю первых лиц Армении, так как погоду делали не они. Когда в 1975 году первым секретарем ЦК КП Армении избрали Карена Демирчяна, то сразу же был придуман каламбур: Армении ждут каренные преобразования, но по-брежнему.

Я видел, как выгодно петь осанну вождям, пока они еще живы, пока они еще в силе, и как может быть стыдно потом. Я знаю, что не надо восхвалять вождей. Гиблое это дело. Ошибешься - опозоришься обязательно.

Сапожная мастерская упомянутого Месропа находилась напротив батумского железнодорожного вокзала, фасад которого украшали огромные портреты Сталина и Берии. Портреты смотрели на нас с Месропом. "Когда усатого и очкастого уберут с вокзала, тогда и заживем как люди", - говорил Месроп. На дворе был 1947 год.

Хрущев действительно многое сделал.

Когда ругали Эренбурга за его повесть "Оттепель", он говорил: "Главное, я пустил в ход слово оттепель. На всех языках мира его произносили. Это был 1954 год".

Для миллионов людей арест Берии был одним из самых отрадных явлений оттепели.

* * *

В 1937 году мы жили в Батуми в однокомнатной квартире с высоким потолком, цементным полом и без каких-либо удобств. Рядом с нами в такой же однокомнатной лачуге жила тихая, милая семья Сушковых. Глава семьи дядя Миша работал милиционером в банке. В 1938 году Сушковыми предоставили двухкомнатную квартиру со всеми удобствами, принадлежавшую семье троцкиста Гогоберидзе, а в их комнату вселили жену и малолетнюю дочь троцкиста. Сам троцкист, разумеется, был уже расстрелян.

Когда однажды родственники овдовевшей жены троцкиста спросили у меня, пятилетнего мальчика, не знаю ли я, где живет Нина Гогоберидзе, я в свою очередь спросил:

- Вы ищете семью троцкиста?

Бедная вдова и ее родственники были очень напуганы. Меня ругали родители и строго-настроено наказали больше никогда не говорить, что Нина бицола, наша новая соседка, жена троцкиста.

Нина Гогоберидзе так и прожила жизнь вдовой. А когда в 1954 году арестовали Берия, она несколько дней причитала:

- Боже мой, неужели он себя не оправдает, неужели не оправдает?..

Нина бицола не радовалась тому, что убийца арестован. Она была страшно опечалена...

Жизнь миллионов людей была загублена, исковеркана, но, очевидно, не все понимали, что происходило в стране.

* * *

В 1964 году "Вопросы литературы" начали публикацию статей под общей рубрикой "Черты литературы последних лет". Начали разговор при Хрущеве и во многом об оттепели Хрущева статьями Ф. Кузнецова и В. Перцовского ("Вопросы литературы", 1964, N 2), завершили при Брежневе моей статьей "Видеть трудности, видеть достижения" ("Вопросы литературы", 1964, N 11, с.16-29). Статью я писал, когда еще властвовал Никита Сергеевич, и тем не менее я сказал, что меня удивляют крайности. Один из критиков писал, что "если мы хотим понять сущность новых процессов, характерных именно для литературы последних лет, мы должны сосредоточить свое внимание как раз на тех вещах, которые не могли бы появиться при Сталине".

Я же считал, что таким образом мы недооцениваем талантливые, честные произведения, которые, несмотря ни на что, появлялись (особенно в годы войны) при Сталине.

Я и сейчас считаю, что нехорошо ругать все, что было при Сталине, или при Брежневе, или при ком-либо еще. Хрущев отмежевывался от Сталина, от Хрущева - Брежнев, от Брежнева и Андропова - Горбачев, от Горбачева - Ельцин. Никто из них не хотел и не продолжил дело вождя-предшественника, считая, что предшественник многое делал не так, что необходим новый курс, новая политика. Не было преемственности. Страну лихорадило. Новые вожди, говоря известными словами Черномырдина, хотели как лучше, получалось как всегда. Афоризм Черномырдина справедлив для политической и экономической жизни России всего XX века. Революция, перестройка, распад СССР - хотели как лучше, получалось, как всегда, хуже. Мы часто цитировали Тютчева: "Счастлив, кто посетил сей мир В его минуты роковые!" Но когда мы сами оказались в этом мире в его роковые дни и годы, оказалось, что счастья нет, одни страдания.

Россию крупно подвели "демократы", Армению - "патриоты". "Сам по себе патриотизм,- говорил Ив. Бунин,- может быть

источником добра и зла... Нужно еще патриотическое сознание, различающее истинное благо отечества от ложного".

Новое руководство России и Армении, к общему нашему несчастью, ложное благо отечества часто считает истинным, а когда убеждается, что нет никаких благ, но много бед, все равно громко говорит (теперь уже нарочно) о благах.

* * *

СССР распался бездарно и бесславно. Потому и бездарно, что, как оказалось, был зело болтлив и не очень умен генеральный Горбачев. Как заметил однажды Грэм Грин, "очень часто разговоры - это способ уйти от действия". Горбачев, руководитель огромной страны, говорил, говорил и уходил от действия. Может быть, даже Горбачев был уверен, что главная его обязанность - говорить. Поначалу многие добрые люди его поддерживали*. Характерно в этом смысле письмо некоего А. Федорчука из Евпатории: "Только бы не прервалось это время", то есть время горбачевской перестройки. ("Известия", 5 мая 1987 г.). Поначалу перестройка казалась истинным благом. Мне, грешному, в том числе.

В России поддерживали Горбачева, в Армении несколько позже - Левона Тер-Петросяна с его АОД-ом - Армянским общенациональным движением.

Как вскоре выяснилось, и в России, и в Армении плохо себе представляли будущее. Даже такой трезвый, рассудительный человек, как ректор Ереванского университета академик С. А. Амбарцумян, обсуждал вместе с нами, преподавателями университета, что лучше: отвести здание ЦК КП Армении под музей истории Армении, или лучше разместить в нем факультет армянской филологии и исторический факультет.

Мало кто думал тогда, в конце 80-х и в самом начале 90-х годов, что будет не лучше, а хуже.

Что касается здания бывшего ЦК КП Армении и здания бывшего Верховного Совета Арм. ССР, то здесь разместилась теперь армада новых чиновников, которым уже не нужна поддержка народа. У них власть, и они сами себя поддерживают.

Говорят, чиновников в нынешней независимой Армении

* В середине июня 1985 года Егор Исаев, будучи в Ереване, говорил мне: - Горбачева любит народ! Любит и за то, что нет у него девальвированных званий героев. Это ему не нужно. Представляете - Герой Социалистического труда В. И. Ленин. Не подходит. Нет!..- кричал своим зычным голосом Исаев.

Нездолго до этого, в начале мая Горбачев, получив от Егора Исаева его книгу "Колокол света", позвонил ему в Переделкино. Вся литературная Москва говорила тогда об этом.

стало больше, чем в прежней, советской. Количество чиновников, считают чиновники, и есть важнейшее свидетельство независимости Армении: чем больше чиновников, тем больше независимости.

В Советском Союзе (в России и в республиках) действительно надо было очень многое обновить, перестроить. Но в республиках хотели одно, а в Москве - другое.

* * *

Знаменитая формула Гегеля: *все действительное разумно, все разумное действительно* в СССР не работала. В этом была наша общая беда.

“Мы диалектику учили не по Гегелю...” Жаль, что не по Гегелю. Мы объявляли действительным все, что соответствовало на данный момент марксистско-ленинским идеологическим доктринам, но было зачастую неразумным, а значит - недействительным. Все наши убыточные заводы, предприятия, колхозы - все это было неразумным, недействительным. Мы же десятилетиями жили и работали в этой абсурдной недействительной реальности.

Академик В. П. Мишин, один из ближайших соратников С. П. Королева (мы с ним общались в 1982 году около месяца в санатории “Горная Армения”), говорил, что на колхозных полях так много брошенных деталей техники, что перед учеными поставлен вопрос, как собрать металлолом, чтобы возможно было вспахать поля.

Больше всего Героев Социалистического труда было среди сельских тружеников. Обилие наград как раз и свидетельствовало не о достижениях, нет, а о глубоком неблагополучии дел в сельском хозяйстве.

Н. С. Хрущев хотел что-то сделать. Энергично взялся внедрять кукурузу, хотел сильно развить свиноводство.

Помню, как мама, далекая от политики женщина, сказала, что Хрущев мелочный человек.

Я ей возразил.

- Он выступал недавно и говорил, что початками от кукурузы надо кормить свиней.

- Ну и что?

- Разве это слово царя? - удивлялась мама, - Когда это было, чтобы цари учили народ свиней кормить?

Даже царствующие в СССР вожди не могли неразумное обрратить в разумное.

Жизнь так устроена, что то, что сегодня действительно и разумно, завтра может оказаться неразумным и недействительным. Если, например, определенного класса легковые автомобили во всем мире сжигают не меньше 15 литров бензина на 100 км., то

заводы, производящие такие автомобили, разумны. Но если возможно производить автомобили того же класса, которые сжигают на те же 100 км. 10 или 8 литров бензина, то завод, который ранее был разумным и действительным, становится неразумным и недействительным. Мертвое надо хоронить, а здоровое внедрять в жизнь. Но у нас часто недействительный завод продолжал существовать еще лет двадцать, а разумное так и не становилось действительным, тогда как в развитых капиталистических странах разумное сразу же становится действительным, а неразумное сразу же прогорает, перестает быть действительным.

Газеты в мае 1986 года широко писали о Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР, постановлении, в котором говорилось, что надо “добиваться такого положения, при котором вновь создаваемые машины, оборудование, материалы и приборы будут соответствовать или превосходить высшие мировые достижения”.

Таким партийно-оптимистическим образом как бы признавалось, что многие важнейшие отрасли советской промышленности не соответствуют мировым достижениям, неразумны и в этом смысле недействительны.

* * *

Много было абсурдного в СССР. Думали, Горбачев перестроит страну. Был даже лозунг об ускорении, ускоренной перестройке. Никто не думал, не предполагал, что из огня попадем в полымя. И когда перестройка переродилась в перестрелку, когда одни люди по национальному признаку убивали других, Горбачева стали очень поощрять-поддерживать наградами и премиями из-за рубежа. Поддерживать, чтобы он вдруг не прекратил свою “высокую” деятельность во вред своему же народу, во вред государству, которое он возглавлял, чтобы сук, чтобы трон, на котором он сидел, он же и распилил до конца*. Международные

* В США его возвеличивали-ублажали медалью свободы имени Франклина Рузвельта, премией мира имени Альберта Эйнштейна, премией “Исторический деятель”, “Международной премией имени Мартина Лютера Кинга”, почетным званием “Гуманист столетия”...

Кроме того, в 1987 году Горбачев получает высшую награду Международного института гуманитарного права, в том же году в Индии на Международной встрече религиозных деятелей ему вручается Почетный знак. В 1988 году он стал лауреатом премии международной организации “Мир без войны”, а за книгу (теперь уже напрочь забытую) “Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира” получил в Италии специальный приз жюри Международной литературной премии “Монделло”. В 1989 году Международное жюри во Франции объявляет его “Личностью года”...

“аплодисменты” вскружили ему голову.

В 1990 году Горбачеву присуждается Нобелевская премия мира. Центральное телевидение сообщило об этом по “Времени” в понедельник, 15 октября. Ликующий, сияющий Горбачев давал интервью. Корреспондент то ли всерьез, то ли в насмешку сказал: “В мире и в Советском союзе меньше стало страха. Что вы намереваетесь делать дальше?”

Дальше Горбачеву делать было нечего. Страну к тому времени он фактически уже развалил. А что касается страха, то вся огромная страна жила в страхе - пролилась кровь сотен, тысяч людей в Сумгаите, Баку, Фергане, в Новом Узене, в Душанбе. Десятки, сотни тысяч людей стали беженцами. Вот уж действительно: веку мало, а горя много. Зарубежных почитателей Горбачева, похоже, это не волновало.

Минут через 20 после мажорного сообщения о том, что Горбачев - нобелевский лауреат, по тому же ЦТ была показана программа “Актуальное интервью”. Как оказалось, в стране нет простейших, самых необходимых лекарств, нет корвалола, валидола, аспирина, зеленки, йода... Удрученный народ уходил из аптек ни с чем. Телерепортаж об этом был действительно для очень многих людей актуален, актуальнее фанфарного сообщения о нобелевском лауреате.

Конечно же, и это актуальное для нас обстоятельство не волновало зарубежных ценителей Горбачева. У них были свои актуальные интересы. Я говорю об этом не в упрек им, а нам в упрек, нам, зачастую пренебрегающим нашими жизненно важными, государственными интересами.

* * *

“Слава Богу,- говорил П. Я. Чаадаев,- я всегда любил свое отечество в его интересах, а не в своих собственных”. После развала СССР и в России, и в ближнем зарубежье не больше, а меньше стало людей (и особенно среди высокопоставленных должностных лиц), любящих отечество в его интересах. Все больше любят в своих интересах. Только в своих. Вот уже который год распадающаяся империя разваливается. Все еще разваливается.

Сошлюсь еще раз на Чаадаева: “Социализм победит не потому, что он прав, а потому, что не правы его противники”.

Конечно, в слово социализм мы вкладываем несколько иной, чем Чаадаев, смысл. Значение этого слова уточнялось в долгие годы строительства социализма. Потребовалось целых 70 лет, чтобы мы убедились, что социализм не прав. А в постсоветское, постсоциалистическое время потребовалось всего пять-

шесть лет (безработица, нищета, кровавые национальные столкновения, война в Карабахе, Абхазии, Чечне), чтобы всем нам понять неправоту врагов социализма. То ли нас обманули, то ли мы сами себя обманули, но восстановить теперь СССР невозможно, как бы мы, старые русские, старые армяне, старые белорусы,... ностальгически по нему ни тосковали. Теперь, если говорить честно, многие пребывают в растерянных чувствах, в растерянности. Теперь, по слову армянского поэта XII века Григора Тха, “не взойти ростку, не вырасти - воздух зноен и зол”. В растерянности высшее российское руководство, в растерянности Ельцин (хотел как лучше, получилось как всегда) с его разноликой командой, собранием плюсов и минусов. Ельцин, разумеется, хочет, чтобы в России, в богатейшей стране мира, люди получали зарплату. Но людям месяцами не платят заработанную плату. Забудьте, заработанную. И людям не на что жить.

Я запомнил (удивился и запомнил), как по ЦТ в апреле 1997 года Ельцин говорил Немцову, что ни он, Ельцин, ни Немцов взяток не берут. И далее с некоторым даже ехидством буквально было сказано: “Конечно, бедновато живем, но ничего, хватает”.

Бедновато живущий президент и миллионы бедствующих людей, которым не хватает на жизнь, и они уже не живут, а кое-как выживают.

В притчах Соломоновых о людях ленивых сказано: “Немного поспишь, немного подремлешь, немного, сложив руки, полежишь; и придет, как прохожий, бедность твоя, и нужда твоя - как человек вооруженный” (24, 33-34).

Вся беда в том, что бедность, как человек вооруженный, стоит сегодня и в России, и в Армении у порога работающих людей.

* * *

Есть такое горькое, отчаянное выражение: чем хуже, тем лучше. Не знаю, так ли это. Но в литературе, похоже, это действительно так. Лучшие произведения создаются из любви, из сострадания, из боли в тяжелые, плохие времена. Один из моих русских друзей в сердцах как-то сказал, что лучше бы не было Толстого и Достоевского и не было бы тех великих страданий, которые перенес русский народ. “Культура,- считает академик П. А. Николаев,- всегда выступает в качестве “компенсации” за человеческие страдания”...

В одной из своих статей Ю. Манн цитирует П. А. Вяземского, опубликовавшего в 1825 году в “Московском телеграфе” “Письмо в Париж”. Вяземский, в частности, писал: “А теперь хочу удивить вас вестью почти неслыханною. На днях прочитал я русский роман...”

В 1825 году не было русского романа (“вещь неслыханная”), а в 60-х годах были написаны “Война и мир”, “Преступление и наказание”... Русская литература XIX века обновила художественную культуру человечества.

Если говорить о XX веке, то русский роман имел блестящее продолжение - “Тихий Дон”, “Мастер и Маргарита”... (Кстати, споры о том, кто написал “Тихий Дон”, никак не затрагивают достоинств романа. Говорят, “Илиаду” и “Одиссею”, как теперь установлено, написал не Гомер, а совершенно другой человек, другой грек, которого тоже звали Гомером.)

В США и на Западе сильно ругали СССР за то, что в империи нарушались права человека, за то, что в жизни было совсем не так, как в песне: “Я другой такой страны не знаю, Где так вольно дышит человек”.

И действительно, было много лжи, много было неправды. Как писал Александр Межиров, были писатели, которые очень старались “сказать неправду лучше, чем другие”. Все это было. Было да сплыло. Ложь в литературе, культуре вообще не прививается...

Со времен “Станционного смотрителя”, со времен “Шинели” русская литература была страной, где о правах человека (и не только русского, вспомним повесть Толстого “Хаджи-Мурат”, XVII главу повести) было заявлено как нигде в мире.

Великим писателям земли русской делает честь и то обстоятельство, что они никогда не восхваляли колониальное господство, колониальную власть одного народа над другим. В Российском государстве были колонии, в российской литературе их никогда не было.

Более того, русские писатели всегда с искренней, глубокой любовью писали о народах России, о республиках Советского Союза. Армении, например, посвящена великолепная поэзия и проза Валерия Брюсова, Николая Тихонова, Осипа Мандельштама, Ивана Катаева, Веры Звягинцевой, Николая Ушакова, Василия Гроссмана, Андрея Битова...

Могу сказать, что проза и поэзия русских писателей об Армении помогала нам, армянам, жить, а в трудные годы выстоять.

Русская литература (литература советского периода в том числе) - это всесветный, всемирный крик о правах человека - Вырина, Акакия Акакиевича, Макара Деушкина, Катюши Масловой, Мелехова, Акиньи, Ивана Денисовича, лирического героя Ахматовой, Пастернака, Мандельштама...

Я бы мог назвать и много других имен, может быть, не столь громких, но поэтов и писателей доподлинных.

Приведу одно из самых глубоких стихотворений Леонида Мартынова:

В эту душную ночь

Я беседовал с Богом.

Говорили, казалось, не очень о многом.

Я ему говорю:

“Покажи чудеса”.

От в ответ:

“Не седеют твои волосы,

Не редют - вот это и есть чудеса!

Не тощат ни руки, ни ноги твои,

Хоть известны мне многие муки твои.

Ведь подумай: ходил по таким ты дорогам,

По таким ты оврагам бродил и отрогам,

Где, как кровь, солона и багряна роса...

Ты прошел их - вот это и есть чудеса!”

Жить (и не только в России, и не только в Армении) действительно равносильно чуду. А с годами жить становится труднее. Не знаю, спасет ли мир красота, спасет ли мир культура? Спасет ли нас русская, американская или какая-нибудь другая идея?

* * *

Я бы не стал делить литературу на периоды. Всякое такое деление условно. Но если надо, чтобы для удобства историков литературы были периоды, то они реально обозначаются тогда, когда появляются такие явления, как Горький, Маяковский, Есенин, Бунин, Платонов, Ахматова...

Советская литература или русская литература советского периода богата многими именами. Историк русской советской литературы назвал бы, очевидно, другие имена, я же скажу о писателях, с которыми был знаком, с которыми дружил, о которых писал и которые поэтому мне особенно дороги. Это Илья Эренбург, Корней Чуковский, Федор Абрамов, Вера Звягинцева, Александр Гитович, Мария Петровых, Михаил Дудин... Из ныне здравствующих русских писателей назову Андрея Битова, Александра Межирова. Я понимаю, что далеко не все из названных мною имен входят в “обойму великих”, понимаю, что не назвал имена очень достойные. Но ведь у каждого из нас есть еще и своя “обойма”.

Естественно, очень много для меня значат армянские писатели XX века - Ованес Туманян, Аветик Исаакян, Егише Чаренц,

Дереник Демирчян, Ваагн Давтян, Сильва Капутикян, Грант Матевосян, Размик Давоян...

Из писателей народов СССР я дружил с Кайсыном Кулиевым, он был поэтом редкой доброты и мужества, человеком большого, чистого сердца. Дружу с Чингизом Айтматовым, люблю его прозу - "Пегий пес, бегущий краем моря", "Белый пароход", "И дольше века длится день", "Плаха"...

* * *

Айтматова, как и многих других советских писателей, сильно занимал национальный вопрос. При Горбачеве этот важнейший вопрос жизни страны решался во вред народам СССР, а теперь, при Ельцине - во вред народам Российской Федерации, во вред русским.

Решив национальный вопрос внутри страны, можно будет плодотворно заниматься проблемами внешними. Сегодня России не удастся сколько-нибудь успешно отстаивать свои западные и восточные интересы. По целому ряду вопросов Россия оказывается в проигрыше. Поэтому и появились русские политики, которые считают, что России лучше всего отстраниться и от Запада, и от Востока и жить для себя, своей жизнью.

Но в том-то и дело, что ни один народ не может жить в сегодняшнем мире отстраненно, сам по себе. Всем нам приходится жить в мире и с миром.

* * *

Что я могу сказать о будущем? Мне бы очень хотелось, чтобы будущее у России было светлым, чтобы Россия стала страной по-настоящему демократической и сильной. Будущее России, несомненно, скажется и на будущем Армении. Благополучная Россия - залог благополучной Армении.

Когда играют в кости, все зависит от того, как, какими гранями вверх лягут на стол кости. Будущее России, Армении, да и всего мира во многом зависит от того, как в мировых политических играх (а ведь играют с огнем, и не простым, а с атомным, и играют как никогда азартно) лягут кости, какими гранями вверх, выигрышными или проигрышными. "Что день грядущий мне готовит?..."

И тысячу, и две тысячи лет назад было в мире так много несправедливого, так много кричащих противоречий, что люди недоумевали, почему мир еще не рухнул, солнце не закатилось, земля не провалилась...

Но с миром вроде бы ничего не случилось, апокалипсиса не было. Поэтому нам и сегодня кажется, что земле нашей ничто не угрожает. Наша бдительность сильно притуплена тысячелетними разговорами о несбывшемся апокалипсисе. Но если в древности и даже совсем недавно, в начале века, конец света связывали с отсутствием социальной и моральной справедливости, то сейчас миру угрожает другое - экологическая катастрофа, атомная катастрофа.

Мир существует и, как оказалось, может вечно существовать, несмотря на социальные потрясения, на мерзости жизни, на бедность и подавленность большинства. Так это было с начала времен. И с миром ничего не случилось. И не было апокалипсиса. Но столь глобальные экологические потрясения могут действительно привести к гибели мира...

Я не берусь предугадывать будущее. Мы всем народом "ждем мира - и ничего хорошего нет; ждем времени исцеления - и вот ужасы" (Иер., 14, 19). Могу лишь пожелать всем людям - русским, американцам, армянам, азербайджанцам, грузинам, абхазам, чеченцам... всем, всем - хорошего будущего без крови и слез, без радиации, без повального заболевания раком... Очень хочу верить, что люди всего мира "найдут радость и веселие, а печаль и воздыхание удалятся" (Ис., 35, 10).

Таким я бы хотел видеть будущее. Взгляни на меня и услышь меня, Господи....

1997, июль, Егвард.